

УДК 343

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИСВОЕНИЕ И РАСТРАТУ В РОССИЙСКОМ
УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ОТ ИСТОКОВ ДО УЛОЖЕНИЯ О НАКАЗАНИЯХ
1845 ГОДА****Упоров Иван Владимирович,**д.и.н., к.ю.н., профессор,
uporov@list.ru**Городенцев Герман Александрович,**к.ю.н.
Российская академия естествознания, г. Краснодар**Аннотация**

В статье прослеживаются основные этапы развития института уголовной ответственности за хищение чужого имущества в виде присвоения и растраты в истории российского уголовного права. Исследуемый хронологический период определен от X в. до середины XIX в. Этот временной диапазон обусловлен тем, что в X в. стали появляться правовые истоки хищений, но при этом состав присвоения и растраты чужого имущества как самостоятельный состав преступления не выделялся, и в дальнейшем этого очень долго не было, и законодатель выделил данный состав преступления только в середине XIX в. с принятием в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Соответственно в статье анализируются уголовно-правовые нормы актов, в которых регулировались признаки рассматриваемого деяния. Привлечены также суждения ученых по заявленной теме, причем разных исторических эпох, включая труды современной России. Отмечается, что длительное время присвоение и растрата, не будучи выделены в самостоятельное преступления, охватывались составом кражи, а позже – составом мошенничества, где ключевым признаком являлся такой признак совершения преступления, как обман. Однако усложнение социальных отношений, и прежде всего в экономической сфере, диктовало необходимость дифференциации ответственности за разные виды хищений чужого имущества, что и было сделано в Уложении о наказаниях 1845г.

Ключевые слова: хищение чужого имущества, присвоение и растрата, Русская Правда, история, кража, мошенничество, Уложение.

**LIABILITY FOR EMPLOYMENT AND WASTE IN RUSSIAN CRIMINAL LAW:
FROM ITS ORIGINS TO THE 1845 PUNISHMENT CODE****Uporov Ivan Vladimirovich,**Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,
uporov@list.ru

Gorodentsev German Aleksandrovich,

Ph.D.

Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar

ABSTRACT

This article traces the main stages in the development of criminal liability for theft of another's property in the form of embezzlement and misappropriation in the history of Russian criminal law. The chronological period under study ranges from the 10th century to the mid-19th century. This time range is determined by the fact that in the 10th century, legal origins of theft began to emerge, but the elements of misappropriation and embezzlement of another's property were not identified as independent crimes, and this remained the case for a very long time. Legislators only identified this element of the crime in the mid-19th century with the adoption of the Code of Criminal and Correctional Punishments in 1845. Accordingly, this article analyzes the criminal law provisions of the acts that regulated the elements of the offense in question. The opinions of scholars on the topic, from various historical periods, including works by modern Russia, are also drawn upon. It is noted that for a long time, misappropriation and embezzlement, while not identified as independent crimes, were covered by the elements of theft, and later by the elements of fraud, where the key element of the crime was deception. However, the increasing complexity of social relations, especially in the economic sphere, dictated the need to differentiate liability for different types of theft of another's property, which was done in the Penal Code of 1845.

Keywords: theft of another's property, misappropriation and embezzlement, Russkaya Pravda, history, theft, fraud, Penal Code.

В истории российского права отдельные нормы уголовного законодательства появляются уже в Древнерусском государстве. Состав преступления в виде присвоения или растраты как самостоятельный вид деяния некоторое время не выделялся. Как отмечает историк русского права М.Ф. Владимирский-Буданов, в договоре Руси и Византии 911 г. при конструировании состава этого вида хищения содержится ссылка на «закон русский» о том, что преступник должен не только возратить украденную вещь, но и уплатить ее стоимость (сверх того), и будет наказан по закону русскому и греческому. Из других имущественных преступлений приводится явное отнятие вещи - грабеж и разбой [1, с. 329]. В следующем памятнике права - Русской Правде состав преступного хищения чужого имущества приобретает новые, более сложные формы. Так, в Краткой редакции Русской Правды [2] в ст. 10-15 описывалось нарушение прав имущественных, при этом в совокупности хищения чужого имущества включали в себя: разбой (неотличимый еще от грабежа), кражу («татьба») [3, с. 101]. Как видно, о хищении чужого имущества в виде присвоения или растраты в современном его понимании законодатель того времени еще не упоминает.

Можно предположить, что такое преступление все-таки имело место, и поскольку состав присвоения (растраты) как преступления против собственности не включает в себя применения насилия, то из указанных выше и уже известных древнерусскому законодателю видов хищения чужого имущества оно со всей очевидностью охватывалось кражей (позже, как будет показано, состав присвоения и растраты некоторый период будет охватываться мошенничеством). В таком виде регулирование составов имущественных преступлений, и прежде всего хищения чужого имущества, продолжалось достаточно длительное время.

Так, в Псковской судной грамоте были предусмотрены следующие виды хищения чужого имущества: простая татьба, квалифицированная или неоднократная татьба, кража церковного имущества, конокрадство, грабеж. Присвоения (растраты) здесь также еще нет, равно как и в других памятниках права XIII-XV вв.

При этом, вместе с тем, необходимо учитывать, что присвоение (растрата) чужого имущества как преступление против собственности включает в себя по меньшей мере два компонента: передача виновному имущества как лицу, которому доверяют передающий (это прежде всего заем денег, эксплуатация и хранение вверяемого имущества и др.); обман преступником своего доверителя и последующее непосредственное осуществление присвоения или растраты чужого имущества. И здесь в этой связи, если иметь в виду прежде всего уголовно-правовой аспект этого деяния, то оно подпадало под такое преступление, как мошенничество, которое стало выделяться в виде самостоятельного состава в Московском государстве и было тогда наиболее близко к присвоению (растрате) чужого имущества. Так, в Судебнике 1550 г. [4] впервые встречается термин «мошенничество», в частности, в ст. 58 указывается: «Мошенику та же казнь, что и татю». Как видно, законодатель рассматриваемого периода по степени общественной опасности (и ответственности) приравнивал мошенничество и кражу (сравнение с ныне действующим уголовным законом показывает, что в то время мошенничество считалось более тяжким деянием, чем кража). Далее в той же статье Судебника законодатель отмечает: «А хто на оманцике взыщет и доведут на него, ино у ищеи иск пропал. А оманцика, как его ни приведут, ино его бити кнутъем» [4]. Обращает на себя внимание указание на обман, поскольку «омащиком» можно было назвать только того, кто совершал обман.

Соответственно законодатель начинает выделять обман как способ совершения хищения чужого имущества. Такой подход концептуально уже приближается к современной трактовке присвоения (растраты) чужого имущества, поскольку в составе этого деяния также имеет место обман. Вместе с тем Судебник не детализирует состав этого вида преступного хищения. Тем не менее определяется точка отсчета развития этого вида общественно опасного деяния. Кроме того, в данном акте, если иметь в виду субъекты преступления, вводится абсолютно новое понятие - «ведомо лихой человек». На основе этого практика выработала своеобразную форму судебного процесса - «облихование». «Облихование» порождало особый субъект - «лихого человека», его появление в деле придавало особую значимость данному составу преступления. Если подозреваемого обвиняли в том, что он «ведомо лихой человек», то этого было достаточно для применения к нему пытки. К «лихим», то есть особо опасным делам относились: разбой, грабеж, поджог, убийство, особые виды кражи (татьбы), заговор и мятеж; мошенничество не упоминается, но можно предположить, рецидивное мошенничество вполне могло попасть в разряд «облихованности»). При этом не требовалось доказывать, что совершены определенные, конкретные преступления, достаточно было установить на основании опроса «лучших» людей, что обвиняемый был «ведомо лихим человеком» (к «лучшим» людям относились боярские дети, дворяне, представители верхушки посада или крестьянской общины). Исходя из этого, наказания за одни и те же преступления различались, одни были для «лихих людей», другие для не «облихованных» [5, с. 243].

В дальнейшем существенные изменения в уголовно-правовом регулировании составов хищения чужого имущества и ответственности за их совершение произошли с принятием такого фундаментального нормативно-правового акта, как Соборное уложение 1649 г. [6], которое отличается от предшествующих судебников своим объемом - в 25 главах содержатся 967 статей, составляющих в общей сложности тринадцать печатных листов (в современном издательском контексте). Здесь немало норм касаются преступных хищений чужого имущества. Так, в главе XXI «О разбойных и татиных делах» в 104 статьях

сформулированы составы деяний против личности (посягательства на жизнь и здоровье) и имущества, некоторые вопросы процессуального и управленческого характера (в частности, предписывалось «розбойные, убийственные и татины дела ведать в Разбойном приказе»). В числе преступлений против собственности законодатель четко различает кражу, разбой, уничтожение (повреждение) имущества, мошенничество.

Однако состав присвоения (растраты) чужого имущества в качестве самостоятельного преступления по-прежнему еще не выделяется. Наиболее близким к этому составу по-прежнему было мошенничество. Так, в ст. 11 XXI гл. указывается: «Да и мошенником чинить тот же указ, что указано чинить татем за первую татьбу». Тот же «указ» содержится в ст. 9 гл. XXI Соборного уложения, согласно которой «а приведут татя, а доведут на него одну татьбу, и того татя пытать и в иных татьбах и в убийстве, да будет с пытки в иных татьбах и в убийстве не повинится, а скажет, что он крал впервые, а убийства не учинил, и того татя за первую татьбу бить кнутом, и отрезать ему левое ухо, и посадить его в тюрьму на два года, а животы его отдать исцом в выть, и ис тюрьму выимая его, посылать в кайдалах работать на всякие изделия, где государь укажет, и велеть ему к украинных городех быть, в какой чин он пригодится, и дать ему письмо за дьячею приписью, что он за свое воровство в тюрьме урочные годы отсидел и ис тюрьмы выпущен» [6]. Здесь, как видно, в отличие от Судебника, мошенничество приравнивается не вообще в краже, а именно к первой краже. Кроме того, значительно усилено наказание за совершение этого преступления.

По мнению М.И. Сизикова, под мошенничеством в рассматриваемый период следует понимать карманную кражу [7, с. 102]. Эта позиция, однако, не стала доминирующей. В этой связи, возвращаясь к тому, что в составе деяния в виде присвоения (растраты) чужого имущества наличествует элемент обмана, отмеим точку зрения М.Ф. Владимирского-Буданова, считавшего, что, поскольку слово «мошенник» поставлено рядом со словом «обманщик», то мошенничество следует рассматривать как похищение чужих вещей посредством обмана, включая торговый обман [1, с. 362]. В подтверждение приводится ряд норм Соборного уложения, которые регулируют не уголовно-правовые отношения, а гражданско-правовые, в которых также присутствует обман как элемент мошенничества. Речь идет прежде всего о ст. 34, 35, 36 Гл. XVII Соборного уложения (напомним, что гл. XXI именуется «О разбойных и татинных делах» и регулирует, как видно из самого названия, уголовно-правовые отношения, а гл. XVII - «О вотчинах»). Так, в ст. 34 указывается: «А будет кто вотчину свою родовую или выслуженную или купленную кому продаст и деньги возмет и купчую даст, а в Поместном приказе в книгах ту вотчину за купцом не запишет, да и после того тое же свою вотчину иному кому продаст воровством и деньги возмет, и в Поместном приказе в книге ту вотчину в книги за последним купцом запишет, и тою вотчиною владеть тому, за кем та вотчина в поместном приказе в книгах записана, а первому купцу тою вотчиною владеть не велеть для того, что он ту вотчину купя в Поместном приказе за собою в книги не записал...» [6].

Как представляется, диспозиция данной нормы охватывается составом мошенничества и близка к составу присвоения. Об этом свидетельствует и мера ответственности («бить кнутом нещадно»), которая характерна как раз для уголовных деяний. Однако по логике Соборного уложения эти правоотношения носят все же гражданско-правовой характер. Схожие (по способу исполнения, а именно путем обмана) деяния предусмотрены также в ст. 35 и 36. В первой из них указывается на продажу чужой вотчины от своего имени, а во второй - на продажу своей вотчины, но обманным путем оформленной от имени другого человека по той причине, что владелец якобы не грамотен и не «прилагал своей руки» и не знал о сделке, и с последующим требованием возврата своей вотчины. В обоих случаях виновный стремится обманным путем завладеть не принадлежавшими ему деньгами, полученными за совершение заведомо ничтожных

сделок. Причем законодатель в ст. 36 несколько раз употребляет такие термины, как «лживил напрасно», «ложное его челобитье». Это также подтверждает гипотезу о том, что здесь имеет место состав мошенничества.

Но в целом же законодатель пока не дает своей трактовки мошенничеству и присвоению, хотя уже близок к этому. Кроме того, в ряде норм Соборного уложения, регулирующих гражданско-правовые отношения, также содержатся элементы присвоения чужого имущества в виде невозврата денежного долга. Некоторое развитие указанных норм Соборного уложения о неотдаче денежного долга имело место в Новоуказных статьях о татевных, разбойных и убивственных делах от 22 января 1669 г. [8]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что само помещение норм об ответственности за неуплату долга в состав уголовных законов свидетельствует об очевидном стремлении государства придать анализируемому деянию публичный характер [9, с. 174].

Следующий крупный нормативно-правовой акт, регулирующий уголовно-правовые отношения - Артикул воинский 1715 г. [10], который наряду с уже известными преступлениями против собственности (кражей, грабежом, истреблением, повреждением чужого имущества) называл новые - присвоение, растрату казенных денег, присвоение (утайку) имущества, сданного на хранение, присвоение находки. Так, в арт. 59 указывается: «Есть ли кто свой мундир, ружье проиграет, продаст или в заклад отдаст, оный имеет в первые и вдругоредь жестоко шпицрутенами, и заплатою утраченного наказан, а в третье розстрелян быть. Такожде и тот, которой у салдата покупает, или принимает такая вещи, не токмо тое, что принял или купил, безденежно паки возвратить, но и втрое, сколько оно стоит, штрафу заплатить должен, или по изобретению особы шпицрутенами наказан будет» [10]. И вот здесь видны достаточно четкие признаки растраты вверенного имущества, причем концептуально состав этого преступления такой же, как и в настоящее время. Что касается присвоения вверенного имущества, то о нем в Артикуле воинском также идет речь - так, согласно арт. 193 «ежели кому что в верные руки на сохранение дастся, а потом в принятии он запрется, или иным каким способом искать будет, чтоб утаить, тогда оно, яко вора, таким же образом, по состоянию дела и цене поверенного ему добра, наказать» [10]. Сочетание присвоения и растраты имело место в арт. 194: «Кто его величества или государственных деньги в руках имея, из оных несколько утаит, украдет, и к своей пользе употребит, и в расходе меньше записано и сочтено будет, нежели что он получил, оный живота лишится и имеет быть повешен. Тую же казнь чинить и тем, кои ведая про то, а не известят» [10].

Как видно, именно с этих норм в российском уголовном законодательстве впервые четко и однозначно присвоение и растрата чужого имущества выделяются в качестве самостоятельных составов преступления против собственности. Вместе с тем нужно иметь в виду, что Артикул воинский, как известно, регулировал прежде всего отношения военной службы и соответственно его нормы применялись прежде всего к военным служащим, в том числе это касалось совершаемых ими хищений чужого имущества (кража, грабеж) [11]. Однако Артикул воинский отнюдь не означал забвение Соборного уложения 1649 г., да и не мог заменить его в принципе. Достаточно указать на то, что Соборное уложение отражало несравненно больше вопросов общественной жизни, чем Артикул воинский, о чем свидетельствуют не только перечни сфер правового регулирования, но и объемы этих правовых актов (Соборное уложение, как отмечалось имело объем 13 печатных листа, тогда как Артикул воинский - 2,9). Кроме того, имеется ряд доказательств того, что Артикул воинский действовал параллельно, наряду с Соборным уложением - так, нормы Соборного уложения применялись, в частности, при рассмотрении дела А.Н.Радищева и декабристов. На наш взгляд, учитывая, что Артикул воинский вводил новые составы преступлений, неизвестные предыдущему законодательству, в том числе присвоение

(растрату) чужого имущества, правоприменительная практика не могла не использовать соответствующие нормы, имея в виду еще и то обстоятельство, что общественные отношения в сфере преступлений и наказаний требовали все более детального регулирования различных составов общественно опасных деяний, что, собственно, и подтверждает принятие Артикула воинского как самостоятельного уголовного закона. Поэтому мы полагаем, что нормы Артикула воинского применялись наряду с нормами иных нормативно-правовых актов.

В последующее почти целое столетие развитие российского уголовного законодательства было замедленным [12]. Можно назвать лишь несколько актов, касающихся присвоения и растраты чужого имущества, принятых в период правления Екатерины II. Так, в Указе от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях» [13] государством дается разъяснение понятия «воровства». В Указе речь идет о «трех родах воровства» - грабеже, краже и мошенничестве, при этом мошенничеству уделяется наибольшее внимание (очевидно, потому, что грабеж и кража в предшествующее время уже достаточно долгое время находили закрепление в законодательных актах [14]). Согласно п. 5 Указа «воровство мошенничество есть, буде кто на торгу или в ином многлюдстве у кого из кармана что вынет, или обманом, или вымыслом, или внезапно у кого что отымет, или унесет, или от платья полу отрежет, или позумент спорет, или шапку сорвет, или, купя не платя денег, скроется, или обманом, или вымыслом продаст, или отдаст поддельное за настоящее, или весом обвесит, или мерою обмерит, или что подобное обманом или вымыслом себе присвоит ему не принадлежащее, без воли, без согласия того, чье оно» [13].

В данной диспозиции, если ее оценивать по действующему российскому уголовному законодательству, содержатся признаки не только мошенничества, но и таких видов преступлений против собственности и в сфере экономической деятельности, как кража, присвоение и растрата, грабеж, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Важно отметить, что законодатель четко в оборот термин «присвоение». Причем в данном случае, в отличие от Артикула воинского 1715 г., нормы указа распространяются на все население государства. В этом же Указе подробно определяется ответственность за совершение «воровства мошенничества». В соответствии с п. 7 «кто учинит воровство мошенничество, того имать под стражу и отослать к суду, буде мошенничество ниже двадцати рублей, то имав под стражу, отослать в рабочий дом и взыскать убыток и о вторичном и третичном мошенничестве ниже двадцати рублей». В рабочем доме мошенника предписывалось привлечь к работам, пока «заплати то, что смошенничал, тому, чье было» [13]. При повторном мошенничестве наказание ужесточалось: предписывалось преступника «сажать на одне сутки на хлеб и воду, и потом ему работать, пока же заплатит то, что смошенничал, тому, чье было, да столько же в рабочий дом» [13]. Указанные выше трактовки состава мошенничества были в основном повторены в Устава благочиния или полицейского 1782 г. [15], но в ином контексте – «императивную тональность» была смягченной, а также «отсутствуют угрозы жестокого наказания» [16, с. 47].

Спустя несколько лет вопросы мошенничества (а в его рамках и присвоения) находят определенное отражение и в правовых актах, регулирующих банковскую деятельность, хотя, подчеркнем, здесь обман или злоупотребление доверием больше довлеют к гражданско-правовой природе. Однако некоторые деяния уже рассматриваются как преступления. Так, в Манифесте об учреждении Государственного заемного банка в 1786 г. устанавливалось наказание для лиц, совершивших обман или подлог при заключении договора о займе из банка, при этом данное преступление квалифицировалось как фальшивомонетничество [17]. Как видно, сфера банковской деятельности получала

достаточно активное развитие и стала все больше притягивать к себе лиц, стремящихся нажиться противозаконным путем, причем речь идет не о разбойных нападениях, а об использовании особенностей банков как финансово-кредитных учреждений для проведения фиктивных сделок.

В этой связи государство принимало меры к защите от соответствующих посягательств, и в первую очередь от присвоения банковских денег. Так, в соответствии с принятым еще раньше Указом «О раздаче денег из коммерческого банка» [18] предписывалось, что купцы, желающие взять деньги из банка по договору займа, должны объявить под заклад свои собственные товары, причем такие, которые на период срока займа не будут подвержены гибели и стоимость которых не меньше, чем четвертая часть запрашиваемой суммы. Такого рода предостережений в Указе немало, и они показывают, что государство стремилось как можно сильнее оградиться от хищений в сфере банковской деятельности, где присвоение заемных денег было достаточно распространено.

В целом же в XVIII в. присвоение и растрата как форма хищения чужого имущества в качестве самостоятельного преступления против собственности не выделяется. Это было сделано российским законодательством только в следующем, XIX в. веке, но не сразу. Сначала была проведена известная фундаментальная систематизация законодательства, и в т. 15 Свода законов Российской империи 1832 г. был помещен Свод законов уголовных, в котором, однако, «присвоение признавалось одним из видов воровства - кражи (ст. 819 п. 1 изд. 1842 г.) и виновный подвергался тем же наказаниям как и за воровство» [19, с. 14]. Позже, в 1845 г. было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [20]. В этот акт вносились изменения (большинство из них имели место в рамках реформ 1860-х гг.), однако эти изменения практически не коснулись составов преступлений, связанных с присвоением и растратой чужого имущества, и далее используется редакция Уложения 1885г. [21], которая считается наиболее оптимальной. Здесь имеется специальная глава «О присвоении и утайке чужой собственности», которая, в свою очередь, разделена на три отделения: «О присвоении, чрез подлог или иного рода обманы, чужого недвижимого имущества» (ст. 1677-1680); «О присвоении и растрате чужого движимого имущества» (ст. 1681-1682); «О присвоении ученой или художественной собственности» (ст. 1683-1685). В отличие от Свода законов 1832г., здесь состав присвоения основывается на составе мошенничестве, соответственно за совершение этого деяния по ч. 1 ст. 1681 ответственность предусматривалась такая же, как и за мошенничество, в частности, в первый раз - лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и отдача в исправительные арестантские отделения по пятой степени от 1 до 1,5 лет. При совершении данного преступления во второй и третий раз наказание усиливалось, и максимальным была отдача в исправительные арестантские отделения по пятой степени от 2,5 до 3 лет. В ч. 2 ст. 1681 предусматривались смягчающие обстоятельства. Состав присвоения (ст. 1681 Уложения о наказаниях) являлся основным; вместе с тем Уложение о наказаниях содержало ряд иных составов присвоения и растраты чужого имущества, в которых затрагивались особенные случаи совершения данного вида преступного посягательства против собственности. В литературе составы этих преступлений раскрыты более подробно [19; 22; 23 и др.].

Законодательный опыт регулирования уголовной ответственности за присвоение и растрату чужого имущества в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., где этот состав стал самостоятельным видом хищения чужого имущества, в дальнейшем был использован при разработке Уголовного уложения 1903 г., разработке уголовных кодексов РСФСР, и концептуально отражен в действующем российском уголовном законодательстве.

Список литературы:

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Пг., Киев, 1915.
2. Русская Правда в Краткой редакции // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. М., 1987. С. 13-18.
3. Новосельская В. Н., Харитонов А.Н. Преступления против собственности в дореволюционных законодательных актах // Теория и практика современной науки. 2024. № 10. С. 96-102.
4. Судебник 1550 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. М., 1987. С. 34-53.
5. Российской законодательство X-XX веков. М., 1985. Т. 2.
6. Соборное уложение 1649 г. Текст и комментарии / Под ред. А.Г. Манькова. М., 1990.
7. Сизиков М.И. История государства и права России с ХУ11 до начала Х1Х века. М.: Инфра-М, 1998. С.102.
8. Памятники русского права. М., 1963. Вып. 7. С. 396-341.
9. Маньков А.Г. Соборное уложение 1649 г. – кодекс феодального права. М., 1986.
10. Артикул воинский 1715 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. М., 1987. С. 64-89.
11. Бизюков И.Л. Анализ развития уголовной ответственности за кражу в системе преступлений против собственности по отечественному уголовному праву // Вестник магистратуры. 2021. № 7. С. 40-47.
12. Грошев А.В., Упоров И.В. Уголовное право России. Общая часть: краткий учебный курс / Сер. Высшее образование. Ростов-на-Дону, 2006.
13. Указ от 03.04.1781 г. «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях» // ПСЗ-1. № 15147.
14. Андреева О.А., Шкурко В.В. История формирования уголовной ответственности за разбой в российском уголовном праве // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2020. № 1. С. 34-38.
15. Устава благочиния, или полицейский от 08.04.1782 г. // ПСЗ-1. № 15379.
16. Кулебакина А. А. Средства выражения императивности в тексте «Устава Благочиния» 1782 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. № 4. С. 42-48.
17. Манифест от 28.06.1786 г. «Об учреждении Государственного заемного банка» // ПСЗ-1. № 16407.
18. Указ от 23.07.1764 г. «О раздаче денег из коммерческого банка» // ПСЗ-1. № 12213.
19. Калинович А.Э. Особенности квалификации и уголовная ответственность за присвоение и растрату в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2. С. 11-15.
20. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08. 1845 г. // ПСЗ-2. № 19283.
21. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб.: Изд. Н. С. Таганцева, 1908.
22. Максуров А. А. Недвижимость как предмет хищения: социально-исторический анализ // Сибирское юридическое обозрение. 2023. №1. С. 64-76.

23. Южиков А.А. Истоки возникновения видов хищений чужого имущества // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2024. № 3. С. 127-134.

References:

1. Vladimirsky-Budanov M.F. Review of the History of Russian Law. Petrograd, Kyiv, 1915.
2. Russkaya Pravda in a Brief Edition // Reader on the History of the Russian State and Law. Moscow, 1987. Pp. 13-18.
3. Novoselskaya V.N., Kharitonova A.N. Crimes against Property in Pre-Revolutionary Legislative Acts // Theory and Practice of Modern Science. 2024. No. 10. Pp. 96-102.
4. Sudebnik of 1550 // Reader on the History of the Russian State and Law. Moscow, 1987. Pp. 34-53.
5. Russian Legislation of the 10th-20th Centuries. Moscow, 1985. Vol. 2.
6. Sobornoye Ulozheniya 1649. Text and Commentary / Ed. by A.G. Man'kova. Moscow, 1990.
7. Sizikov, M.I. History of the State and Law of Russia from the 16th to the Early 19th Century. Moscow: Infra-M, 1998. Page 102.
8. Monuments of Russian Law. Moscow, 1963. Issue 7. Pages 396-341.
9. Man'kov, A.G. The Cathedral Code of 1649 – the Code of Feudal Law. Moscow, 1986.
10. The Military Articles of 1715 // Reader on the History of the Russian State and Law. Moscow, 1987. Pages 64-89.
11. Bizyukov, I.L. Analysis of the Development of Criminal Liability for Theft in the System of Crimes against Property under Russian Criminal Law // Bulletin of the Magistracy. 2021. No. 7. Pp. 40-47.
12. Groshev A.V., Uporov I.V. Criminal Law of Russia. General Part: A Brief Curriculum / Series: Higher Education. Rostov-on-Don, 2006.
13. Decree of April 3, 1781 "On the Trial and Punishment for Various Kinds of Theft and on the Establishment of Workhouses in All Provinces" // PSZ-1. No. 15147.
14. Andreeva O.A., Shkurko V.V. History of the Formation of Criminal Liability for Robbery in Russian Criminal Law // Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. 2020. No. 1. Pp. 34-38.
15. The Charter of Deanery, or the Police Decree of April 8, 1782 // PSZ-1. No. 15379.
16. Kulebakina A. A. Means of Expressing Imperativeness in the Text of the "Charter of Deanery" of 1782 // Scientific Notes of Petrozavodsk State University. 2023. No. 4. pp. 42-48.
17. Manifesto of June 28, 1786 "On the Establishment of the State Loan Bank" // PSZ-1. No. 16407.
18. Decree of July 23, 1764 "On the Distribution of Money from a Commercial Bank" // PSZ-1. No. 12213.
19. Kalinovich A.E. Features of the qualification and criminal liability for embezzlement and misappropriation in the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885 // Law and State: Theory and Practice. 2020. No. 2. pp. 11-15.
20. Code of Criminal and Correctional Punishments of August 15, 1845 // PSZ-2. No. 19283.
21. Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. St. Petersburg: Publishing House of N. S. Tagantsev, 1908.

22. Maksurov A. A. Real Estate as an Object of Theft: A Socio-Historical Analysis // Siberian Legal Review. 2023. No. 1. pp. 64-76.
23. Yuzhikov A. A. The origins of the emergence of types of theft of other people's property // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2024. No. 3. P. 127-134.